

ВИКТОР ДРАГУНСКИЙ

20
ЛЕТ

ПОД КРОВАТЬЮ

ХУДОЖНИК З. СМЕХОВ

В маленькой комнатке собралось блестящее общество: толстый Мишка, шустрая Алёнка, болезненный Ностик, крепенький Андрюшка – вся наша компания. Играли в разные игры. И вдруг Алёнка сказала: „А где Денисна? Позови к нам Денисну“.

Мишка подбежал к телефону и позвонил мне. Он сказал:
„Что ты делаешь, Дениска? А мы в прятки играем! Беги к нам!“

И я побежал по выюжному двору весёлым галопчиком.

Распахнул дверь в их светлый и тёплый коридор. Все мои друзья были на месте. — „Ба, знакомые всё лица!“ — сказал я.

– Становись считаться! – крикнул Ностик. И Алённа начала считать быстро-быстро. Я и не заметил, как считалка кончилась. – „Мордальон – семьльон,
Выходи-на, пошёл вон!..“

Тут Ностик вышел, потому что водить выпало ему. Он отвернулся к стене и стал считать:

– Раз! Два! Три! Четыре! Пять!

Я сейчас иду искать...

Ребята разбежались в разные стороны.

Мишна залез в шубу на вешалке.

Алённа спряталась за шкаф.

А я не знал, куда деваться. И тут я увидел раскрытую дверь и всночил в неё.

Это была какая-то комната, а у стены стояла кровать, высокая и широкая. И я моментально нырнул под неё.

Под кроватью был полумран. Там лежали старые туфли и ещё стоял чемодан и на нём корыто. И я очень уютно устроился.

И я думал, как это здорово я спрятался, и сколько смеху будет, когда Ностик меня здесь найдёт. Я отогнул кончик одеяла, чтобы увидеть Ностика.

Но в это время в комнату вошёл никакой не Ностик, а вошла Ефросинья Петровна, симпатичная старушка, немного похожая на бабу-ягу.

Ни с того, ни с сего она плотно закрыла дверь и повернула
ключик. Заперлась! Вместе со мной и корытом!

В комнате сразу стало тихо и зловеще. Я всё продолжал следить за старухой. Что будет дальше? А она села на кровать и одну за другой синула с себя туфли и осталась в одних чулках.

Потом пошла к двери и вдруг – чин! – погасила свет.

И я понял, что теперь я в заточении! В ловушке! Я попал в северную историю! Снольно я тут буду лежать?! Счастье, если час или два! А если до утра?

А если я не приду ночью домой? Папа и мама обязательно позвонят в милицию!

А милиционер придёт с собакой-ищейкой, илична Мухтар.

А если Ефросинья Петровна, эта самая, проспит до рассвета, а утром пойдёт гулять и снова запрет меня? Тогда как? [2]

Я, конечно, немного поем из её буфета...

И когда она появится, снова придётся лезть под кровать. Потому что я съел её продукты, и она отдаст меня под суд. И чтобы избежать позора, я буду жить под кроватью целую вечность! Ведь это кошмар!

Конечно, тут есть тот плюс, что я всю школу просижу под кроватью. Но как быть с аттестатом? С аттестатом зрелости? Я под кроватью не то что созрею, я перезрею. У меня борода вырастет длиной в десять метров! И усы!!!

Тут я не выдержал и со злости как трахнул куланом по нору.
Раздался ужасный грохот – трах-бах-бах... У меня сердце
замерло от испуга.

А старушка надо мной, видно, проснулась от этого грохота. Она, наверное, давно спала, а тут „трах-барабах“ из-под кровати. Она спросила в темноту слабым голосом: „На-ра-ул?“

Я хотел ответить ей: „Что вы, Ефросинья Петровна, какое там „нараул“? Спите дальше... Это я, Денисна!“ Но вместо этого вдруг чихнул! Да как! „Апчи-чхи-хи“ с хвостинком. [57]

Тогда она закричала, но не с вопросом, а вполне утвердительно: „Нараул!!!“

А я опять, непонятно почему, чихнул с подвыванием, вот так:
„Аппчхиууу“. А Ефросинья Петровна как услышала этот „чих“,
так закричала: „Грабют!..“—А потом завопила во всю мочь:
„Режууут...“

Это враньё! Кто её режет? И за что? И чем? Разве можно по ночам кричать неправду? Она слегка помешалась и кричит нание-то странные слова: „Грабаул! Нараулят!“

И я решил, что пора кончать это дело и мне надо вылезать. И всё опять подо мной загремело, особенно норыто. Ведь я в темноте не вижу. Бом! Бам! Бум!

А я выскочил и стал шарить по стене, где тут выключатель, и нашёл вместо вынлючателя ключ, и обрадовался, что это дверь.

Я повернул ключ, но оназалось, что я открыл дверь от шкафа. Я тут же перевалился через порог этой двери, и стою, и тычусь в разные стороны, и только слышу – мне на голову всякое барахлишно падает...

Тут кто-то забарабанил в настоящую дверь: „Эй, Дениска, выходи сейчас же! Ефросинья Петровна, отдайте Дениску, за ним его папа пришёл!“

Тут вспыхнул свет. Открылась дверь. И вся наша компания
ввалилась в комнату. Они стали меня иснать.

А когда я вышел из шкафа, на мне было две шляпки и три платья.

Папа сказал: „Что с тобой было?“ – Ностик и Мишна тоже:
„Где ты был? Что с тобой приключилось? Расскажи!“ 127

Но я молчал. У меня было такое чувство, что я и в самом деле просидел под нроватью ровно двадцать лет. ☐

КОНЕЦ

Сканировал *Сергей Калабухин* - 2:50167

Редактор Г. Витухновская
Художественный редактор А. Морозов

Студия „Диафильм“, 1969 г.
Москва, Центр. Старосадоний пер., д. № 7
А-278-48

Цветной 0-30

